

241981

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Я. Э. Пеэбо

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ЭПОСА
„КАЛЕВИПОЭГ“

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Diss. Tart.
410834

ТАРТУ 1973

На правах рукописи

Пеэбо Яак Эльмарович

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ЭПОСА
„КАЛЕВИПОЭГ“

(Диссертация написана на эстонском языке)

10. 02. 02 Эстонский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена при кафедре эстонского языка
Тартуского государственного университета.

Научный руководитель - доктор филологических наук
А. Каск.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор П. Алвре и кандидат филологических наук О. Кыйва.

Ведущее учреждение: Институт языка и литературы
Академии наук Эстонской ССР.

Автореферат разослан " " 1973 г.

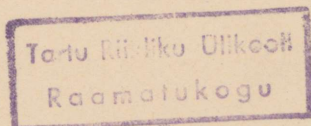
Защита диссертации состоится " " 1973 г.
на заседании Совета историко-филологического факультета
Тартуского государственного университета (Эстонская ССР,
гор. Тарту, ул. Кликкооли 18).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Тартуского государственного университета.

Ученый секретарь ТГУ

(И. Маарос)

20

408884

Словарный фонд литературного языка и его развитие стали вызывать у лингвистов особый интерес только за последние десятилетия. Его изучению, далеко выходящему за пределы истории языка, как существенной части истории культуры народа придается большое значение. Появление каждого нового понятия, а также слова, обозначающего его, — это показатель подъема материальной или духовной культуры данного народа.

Цель настоящей работы — многосторонний анализ словарного фонда эпоса "Калевипоэг", важнейшего произведения Ф.Р.Крейцвальда. Нашей задачей являлось во-первых: дать характеристику лексики эпоса, выяснить ее особенности в системе письменности того времени. Во-вторых, нашей задачей было выяснить происхождение словарного фонда эпоса, указать главные источники, использованные Крейцвальдом при написании "Калевипоэга". Наконец, в работе делается попытка дать оценку роли эпоса в обогащении лексики эстонского литературного языка.

ВВЕДЕНИЕ

Во введении диссертации дается краткий обзор изучения лексики словесности советскими и финскими языковедами (Л.В.Шерба, В.В.Веселицкий, И.С.Сорокин, Д.Д.Благой, В.В.Виноградов, М.Рапола и др.). Изучение лексики эстонского литературного языка находится в начальной стадии. Имеется несколько работ монографического характера и по истории эстонского литературного языка (А.Каск, Э.Ахвен), но разбор развития словарного фонда в них дан поверхностно.

Большая же часть трудов по словарному фонду (хранящееся на кафедре диссертации и дипломные работы), как правило, посвящена определению времени появления в языке отдельных групп слов, изучению лексикона отдельных авторов или периодов языкового развития. Изучением древнейшей словесности кафедры эстонского языка ТГУ стала заниматься лишь в последние годы.

Обращение к анализу словарного состава языка Крейцвальда не случайно — всем известно большое значение эпоса в развитии эстонской культуры. Деятельность Ф.Р. Крейцвальда по обогащению словарного состава эстонского языка была высоко оценена еще его современниками.

В течение более чем ста лет со дня появления эпоса "Калевипоэг" об этом произведении написано множество самых различных статей и исследований, но его языку, в частности, его словарному составу, уделено мало внимания, да и то лишь мимоходом. Первыми критиками Крейцвальда явились литераторы прибалтийско-немецкого происхождения, обрушившиеся на писателя с обвинением прежде всего против народности Эпоса; появились также критические статьи по поводу его языка (Э.Аренс). Впоследствии о языке Эпоса писали К. Леэтберг, Й. Аавик, Й.В. Вески, Ю. Пезгель и др.

В трудах, рассматривающих Эпос, до сих пор не сделано

попытки определить место языка этого произведения в общей системе эстонского языка. Опираясь на термины "письменность", "литературный язык", "областной язык", "фольклорная речь", данные в трудах советских лингвистов (В.В.Виноградов, Р.А.Будагов, М.М.Гухман, Н.А.Катай цина, В.М.Русановский, В.Н.Ярцева, А.А.Леонтьев, Р.Р.Гельгардт и др.), приходим к заключению, что язык эпоса "Калевипоэг" не может считаться литературным, так как здесь нет даже стремления придерживаться норм и правил литературного эстонского языка, начавшего складываться, по меньшей мере, еще с конца XVIII столетия. Поэма "Калевипоэг" не строится только на всенародной разговорной речи. Язык Эпоса - это и не диалектный язык, поскольку ни его грамматическая структура, ни его лексика не созвучны с грамматикой и лексикой какого-нибудь эстонского наречия. Речи не может быть и о фольклорном языке; хотя Крейцвальд и добивался стиля народной песни, ему это не удалось главным образом по объективным причинам, так что отклонения больше всего сказываются в области языка. Итак, "Калевипоэг" - произведение, язык которого нельзя подвести ни под один общий знаменатель. В истории эстонской литературы нет такого сочинения, язык которого оказался бы подобным.

В ходе работы над диссертацией были каталогизированы все слова Эпоса, наш материал в значительной мере сличался со словесностью периода до Эпоса, причем были использованы опубликованные в печати словари, рукописные материалы и каталогизированные словарные фонды. Слова, известные в литературном языке докрейцвальдского периода, в нашей работе не рассматриваются, и поэтому в центре нашего внимания нет некоторых слов, которые с современной точки зрения, могли бы показаться довольно-таки своеобразными. Однако их наличие в произведениях других авторов, предшественников и современников Крейцвальда, служит достаточно убедительным доказательством того факта, что такие слова не имеют особого значения для характеристики лексикона Эпоса.

Следующим этапом разработки каталогизированного материала нашего исследования явилось выяснение, по мере возможности, диалектического фона подвергаемых рассмотрению слов: какая их часть относится к диалектам и какое они имели распространение в народной речи. С этой целью лексика Эпоса сравнивалась с материалами, содержащимися в общей картотеке диалектизмов Института языка и литературы АН ЭССР, и на этой основе был сделан тщательный отбор диалектных слов Эпоса для первой главы настоящей диссертации.

Во второй главе приводится та часть словарного состава Эпоса, истоки которого наблюдаются в эстонской народной поэзии. Для выяснения этого словарь Эпоса был сопоставлен с лексикой всех народных песен, которые по имеющимся сведениям находились в распоряжении Крейцвальда. Хотя связь между языком разговорной речи народного певца, его диалектом и языком исполняемой им народной песни весьма тесна и разностороння, в словаре, фразеологии и грамматической структуре народного творчества все-таки обнаруживаются многие особые черты, чуждые не только данному говору, но иногда и всем диалектам. В народных песнях сохранилось значительное число древнейших подлинно эстонских слов, много заимствований из различных источников, которых больше нет в живом языке или которые в нем обречены на исчезновение. Но есть еще и другие лексикальные особенности, и поскольку они отражены в Эпосе, мы их разбирали в данной главе.

В третьей главе диссертации приводится та часть словаря Эпоса, которая могла бы считаться творчеством самого Крейцвальда или принадлежность которой со всей определенностью не удалось установить. К этим словам мы отнесли все те, которые не засвидетельствованы ни в литературном языке ранних периодов, ни в эстонских диалектах, ни в народном творчестве. Цель этой главы — дать пояснение методов словотворческой деятельности Крейцвальда, а также дать оценку результатов этой работы.

При разработке картотечных материалов был использован словарь академика Ф.И.Видемана (Ehstnisch-deutsches Wörterbuch, St. Petersburg 1869 и 1893 гг.), и его же грамматика (Grammatik der ehstnischen Sprache, St. Petersburg 1875 г.). Из этих источников почерпнуты добавочные сведения о происхождении словаря Эпоса. Наличие и отсутствие крейцвальдовских дериватов в названном словаре можно считать той или иной оценкой Видемана.

Для определения места лексики Эпоса в лексиконе Крейцвальда вообще нами в качестве сравнительного материала были рассмотрены другие произведения писателя, в частности те, которые были созданы до эпоса "Калевипоэг". Изучена и имеющиеся уже публикации о словаре Крейцвальда. Для того, чтобы оценить Эпос с позиции словарного состава современного эстонского языка, мы рассмотрели встречаемость изученных слов в появившемся в 1960 г. орфографическом словаре эстонского языка (Õigekeelsuse sõnaraa at. Toimetanud E.Nurm, E.Raiet ja M.Kindlam, Tallinn 1960).

I

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ЭПОСЕ "КАЛЕВИПОЭГ" (42 стр.)

В интересах наглядности диалектического фона словаря эпоса "Калевипоэг" слова диалектного происхождения изложены группами по основным территориям их распространения.

Диалектизмы побережья северо-западной Эстонии

К диалекту северо-западного побережья относится ряд слов, обращающих на себя внимание своей необычайной деривацией: kiireline 'скорый, стремительный' (вместо обычного kiire), kiirutama~kiirutelema 'торопить, спешить', kirjuv 'пестрый', kordamiste 'поочередно', leivastama 'есть', liigamiste 'слишком, чрезмерно', liiskuma 'бросать жеребий', muudendama 'искажать, извращать', muudendus 'искажение', nukrastama 'печалить, огорчать', pilkus 'насмешка', viibiline 'медлитель', võidulane 'победитель', väägaline 'достойный'. Отсюда происходят и такие малоизвест-

ные основы, как (h)aaruma 'сгребать' и äimama 'ударить, бить'. По сравнению с общеизвестным современным значением некоторые слова обозначают здесь совершенно иное понятие. Такими семантическими диалектизмами можно считать: jube 'странный, забавный' (в современном значении 'страшный'), sõnaline 'красноречивый, словоохотливый' (сейчас 'словесный'), viirastama 'скользить' (в совр. лит. языке 'видеться, мерещиться'). Некоторые слова северо-восточного побережья только незначительно отличаются своим произношением, например: liugema 'скользить, парить' (вместо liuglema).

Слова северо-восточного побережья составляют небольшую, но весьма своеобразную группу в лексике Эпоса.

Слова северных диалектов

В общем для диалектов северной Эстонии характерны такие слова Эпоса, как: (h)alijas~(h)alliija(s) 'дух, охраняющий человека от зла' (мифол.), konksima 'бить, колотить'. К диалекту островов относятся: mulline 'прошлогодний', rihulane 'мошка', püsi 'терпеливость', tasudus 'плата, уплата, оплата', õigama 'кликать'. На распространение в говорах западной Эстонии и островов указывают данные диалектологических картотек: haletama 'жаловаться', liitma 'заваливать', palavaste 'горячо, жарко', pinnitama 'оттачивать, отбивать, выправлять (косу)', sahkama 'пахать', tagumine 'зад'. К западному диалекту можно отнести: kallitama 'ласкать, голубить', katsutama 'испытывать', kutistus 'щипок', kütkendama 'сковывать', lahkelt 'приветливо, любезно, ласково', sõlmitama 'обвязывать', võidustikku 'впередонки, взпуски'. В западных и средне-эстонских говорах зарегистрированы: ahama 'хватать', somp 'беспорядок, густой туман, мгла', sortsitama 'колдовать', tukk 'дремота', ulatus 'протяжение, охват'. К средне-эстонским говорам принадлежат: elprima 'обивать', kutitama 'щипать, щекотать', sihtis 'прямо', sõlmitus 'связанность', taseselt 'тихо', uurima 'долбить, подкапывать', üba 'хороший'. Преимущественно в восточных говорах, но частично и в цен-

тральных употреблялись слова: kõlgastik 'мякинник', lipukene 'отряд', puhin 'шум, свист, жужжание', roodama 'бродить', vööde 'пояс'. Относительно слов северного диалекта имеющиеся в картотеках данные настолько рассеяны, что невозможно установить точные границы их распространения.

Слова, встречающиеся в северо-восточных говорах побережья и в северной Эстонии

Среди слов, распространенных на этой большой территории, много обычных для нашего времени, но которые при жизни Крейцвальда были новыми непривычными словами. К ним следует отнести: kiirustama 'торопить', kiijatus 'вскрик, визг', küngastik 'цепь холмов', marjuke 'ягодка' (в ласкат. знач.), dõrgendus 'ослабление', pidistus 'стиск, пожатие', raugema 'ослабевать, утихать', rohkendama 'умножать', rõõv 'грабёж', toas 'восход', võõrsil 'на чужбине', vööd 'полоса', õilmed 'цветочки'.

Из этих говоров взяты и такие слова Эдоса, которые в дальнейшем не нашли широкого употребления. Например: haar 'ветвь', jume 'бледный', libas 'покато', lisadus 'прибавление', raugemema 'ослабевать', räitama 'варить вкрутую', sadama 'сновать', salaline 'таинственный', sobidus ~ sobitus 'хлопотня', taevaline 'божество', tasutama 'углаживать', tonkima 'бить, колотить', varistama 'крошить, ронять'.

Слова южно-эстонских диалектов

habrastama 'делать хрупким, ломким', haljetama 'зазеленеть', kammitsema 'заложить в путь', kippama 'зашевелиться', kool 'смерть', kullatama 'звать кого-н. золотом', kõik 'колебание', käpistama 'лапой хватать', laenus 'заем', laus 'колдовство', niksatama 'вывихивать', närvukene 'хилый, вялый', padjuline 'покрытый подушками', pilkamiste 'с насмешкой', pilluma 'упасть', purask 'черт, дьявол', sihilt 'прямо', teiste 'иначе', tundsad 'очитимые, заметные'.

tõuseng 'восход', viitekene 'потеха, забава', vintsuma
'утомляться', väik 'сверkanie, блеск'.

Слова, встречающиеся в отдельных говорах
нескольких диалектов

Данные о распространении ниже приводимых слов в диалек-
тических картотеках крайне недостаточны. Среди них можно
найти и такие, которые в современном народном языке больше
не употребляются. Кроме того, следует учесть и возможные
несоответствия: фактическое распространение некоторых слов
может оказаться гораздо шире, чем это вытекает из наших
сведений. В отдельных случаях не исключена возможность, что
дело имеется с более поздним словом, укоренившимся в на-
родной речи под воздействием литературного языка. Вот при-
меры таких слов, распространение которых остается неопре-
деленным: (h)elk 'эхо', hüpatama 'подскакивать, подпрыги-
вать', ilutsema 'радоваться', kahvatus 'бледность, бледно-
та', kasu 'побег, росток', katkendama 'ломать, разрывать',
kiilutama 'вбивать клин', kinnitus 'препятствие', kohtu 'пе-
на', kongitsema 'крючком ковырять', kuumendama 'пылать',
kõõrutus 'кудахтанье', käänatama 'вывихнуть', laksama 'шлёп-
нуть', lisandus 'добавка, прибавка', lisatama 'прибавлять,
добавлять', lonkur 'хромо́й', lustitama 'увеселять, весе-
лить', minuline 'мне подобный', murrutama 'крошить, раз-
мельчать', mõllus 'бушевание', naksatama 'вывихивать', näl-
jatlik 'забавный', näpistus 'щипок, беда', ohverdus 'жерт-
ва', pimendama 'затемнять, темнеть', põiki 'наискось, по-
перек', raskendama 'затруднять, делать более тяжелым', rän-
kus 'тяжесть, трудность', sõrvi 'ребром, краем', sängitama
'погребать, укладывать спать', varin 'шум, грохот', viisa-
kaste 'вежливо', vikkima 'тесать, гранить', võrgutus 'лесть,
приманка'.

+ +
+

Подводя итоги диалектизмам Эпоса, необходимо особо подчеркнуть некоторые группы слов. Одну из таких групп составляют слова, встречающиеся в народных песнях. Как указывается в работе, часть диалектизмов проникла в Эпос из народных песен, отдельные стихи которых вошли в Эпос в неизменном виде. В своей работе мы исходили из того положения, что словами народных песен могут считаться только те, которые не зарегистрированы как диалектизмы (о них мы говорим во второй главе настоящей работы). Все выше рассмотренные слова являются, таким образом, диалектизмами, независимо от того, через какие источники они дошли до Крейцвальда. Из народных песен взяты, например, следующие слова: elprima 'сбивать', hüpakille 'прыгая', hüpatama 'подскакивать, подпрыгивать', kallitama 'ласкать, голубить', liitma 'заваливать', marjukene 'ягодка (ласкай.)', murrutama 'крошить, размельчать', palavaste 'горячо, жарко', tohine 'берестового цвета', tõuseng 'восход', vaht(e)rane 'кленовый', varreline 'покрытый стеблями', vikkima 'тесать, гранить'.

Кроме более или менее измененных народных песен в текст Эпоса внесены, наряду с целыми стихами, и следующие диалектизмы: kavi 'побег, росток', kohu 'пена', kuumendama 'пылать', üba 'хороший', üksina 'один'.

Некоторая часть из приведенных диалектизмов встречается в литературных произведениях еще до появления Эпоса — либо у самого Крейцвальда, либо же в песнях имитационного характера современников Крейцвальда. В стиховых контекстах, которые вошли в Эпос, имеются такие слова: jube 'страшный (иногда 'смешной)', kiljatus 'вскрик, визг', libas 'покат, отлого' (чаще: libamisi), looditama 'нивелировать', pihulanē 'мошка', roodama 'бродить', satutama 'дать попасть, низвергать', sortsitama 'колдовать'.

В резюме первой главы еще раз обращается внимание на слова, которые могут считаться диалектизмами родного наречия Крейцвальда (под этим, в известной степени, условным понятием подразумевается группа говоров, окружающих родные приходы автора Эпоса — Кадрина и Раквере). Подробный обзор

этих слов приведен в статье автора "О словах родного говора Крейцвальда в его эпосе "Калевипоэг", Ученые записки Тартуского государственного университета, выпуск 162, стр. 21-31.

Составлена сводка данных, полученных путем сличения диалектизмов Эпоса со словарем академика Ф.Й. Видемана (Ehstnisch-deutsches Wörterbuch, St. Petersburg, 1869 и 1893 гг.). Подробный анализ результатов дается в нашей статье "Словарный фонд "Калевипоэга" в словаре Ф.Й. Видемана. Слова из диалектов и народной поэзии" - "Кээль я кырьяндус", 1969, № 5, стр. 268-278.

II ФОЛЬКЛОРНАЯ ЛЕКСИКА В ЭПОСЕ "КАЛЕВИПОЭГ" (18 стр.)

Во II главе приводятся лексические элементы Эпоса, чуждые литературному языку до опубликования творения Крейцвальда и незарегистрированные в диалектах. Эти слова встречаются лишь в сборниках народных песен, находившихся в распоряжении поэта. В настоящее время известно, что все эти сборники содержали весьма неоднородные материалы. Об этом писал Э.Лаугасте в своем труде "История эстонской фольклористики. Избранные тексты и иллюстративные материалы", Таллин, 1963 г. Сам Крейцвальд считал переработку народных песен допустимым и даже единственно правильным методом, поэтому уверенным нельзя быть в достоверности материалов. Позднейшие исследования с определенной долей вероятности показали, какие песни являются подлинно народными и какие являются результатом переработки или создания. Значительно сложнее, а зачастую и невозможно, установить подлинность или искусственность каждого отдельного слова песенного текста, записанного в далеком прошлом. В настоящей работе мы опирались на исследование Н.Пино "Народные песни, использованные в эпосе "Калевипоэг". - Ф.Р.Крейцвальд, Калевипоэг. Научное издание с комментариями и дру-

гими приложениями. Том II, Талла, 1963, стр. 155-243.

Стихи перенесенные в Эпос из оригинальных народных песен, содержат, например, следующие слова: aine (вместо haige 'больной', (h)elk 'меч', (h)elkima 'голосисто петь', kändar kändär kändär 'гроздь, ком, комок', laksatile 'щелчком', mark 'кусок', mburama 'реветь, рычать', poolekene 'супруг(а)', päälus 'головная сторона кровати', sadikse 'разлагается', tauts 'эпидемия', urang 'пещера, грот', vali(i) 'белый бык' и др.

К народным песням, переработанным самим Крейцвальдом или кем-нибудь другим, восходят такие слова, как: loogetile 'извилисто', loomus 'лад, образ, способ', marukas 'сокровище, клад', raksustik 'чаща, заросль' и т.д.

"Калевипоэг" содержит, кроме того, слова даже из таких песен, принадлежность которых к числу народных или к их имитациям еще не удостоверена фольклористами. Приводим некоторые из этих слов: liivits 'добыча', muretis 'печаль, горе', pais 'увеличение, набухание', piinatus 'мука, мучение', pilkus 'непроглядный', sarnaline 'сходный, похожий', sulguma 'подчиняться', sõnaldama ~ sõnaldelema 'говорить, разговаривать', tuhandala ~ tuhandela ~ tuhandella 'тысячами', tuikama 'ворковать', tuldane 'светлеть, светиться', virgult 'усердно, прилежно', värvima 'вербовать', üksinessa 'один'.

Рассматривая слова из народных песен в словаре Видемана, можно заметить, что по сравнению с диалектизмами они представлены в значительно меньшей степени. И это вполне естественно, поскольку они не бытуют в разговорном языке, иногда образуются необычным путем или же имеют весьма отдаленный оттенок значения. Этот вопрос рассматривается в нашей специальной статье "Словарный фонд "Калевипоэга" в словаре Ф.И.Видемана. Слова из диалектов и народной поэзии" - "Кээль я кирьяндус", 1969, № 5, стр. 268-278.

СЛОВА, СОЗДАННЫЕ САМИМ КРЕЙЦВАЛЬДОМ, И ОБРАЗОВАНИЯ
НЕИЗВЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЭПОСЕ "КАЛЕВИПОЭГ"

Здесь характеризуются лексические элементы Эпоса, неизвестные ранней эстонской письменности и народным песням, доступным Крейцвальду. Как и слов из песен, их нет в числе зарегистрированных диалектизмов. Большинство таких слов, бесспорно, являются новообразованиями самого поэта, но в некоторых случаях имеющиеся в нашем распоряжении материалы недостаточны для того, чтобы решить на их основании вопрос о происхождении того или иного слова.

В общем же основой для образований Крейцвальда послужили корневые слова, встречающиеся в письменности раннего периода, в диалектах и народных песнях. Общенародному языку принадлежат и суффиксы. Отклонения от установившихся в народной речи способов словообразований наблюдаются лишь в способе деривации и в создании слитных слов. образуя новые слова, Крейцвальд иногда сокращал слова общенародного языка, отбрасывая входящие в их состав суффиксы. Слова, взятые из народной речи, в Эпосе нередко выступают в фонетически измененном виде.

Иногда видно, что Крейцвальд создавал новые слова не столько из необходимости выразить какое-то понятие, сколько из соображений ритмики стихосложения. Поэтому слова часто сокращаются или удлиняются: этим обуславливается и появление неуклюжих, необоснованно длинных дериватов, в создании которых не было необходимости. Нередко общеизвестное слово приобретает у поэта аффикс, причем ничего нового это приращение не привносит.

Для всестороннего анализа образования Крейцвальда рассматриваются по отдельным частям речи, внутри которых, в свою очередь, выделяются подгруппы по отдельным аффиксам. При разборе образований выясняется: происхождение основы, встречаемость ее в письменности, диалектах и народных песнях, определяется значение новых производных слов.

Имена существительные

Наиболее продуктивными при создании новых слов Крейцвальдом оказываются суффиксы -u s, -d u s, -t u s. Посредством их произведены слова: imedus 'чудо', jalgus 'изножье', kammitus 'затруднение, помеха', konksitus 'удар', kumedus 'блеск, сияние', kõheldus 'колебание, раздумывание', lõugutus 'брань, ругань', piirus 'округ, участок', pilgatus 'насмешка', rajatus 'основание, причина', ropsitus 'побой, розги', sajatus 'проклятие', sunnitus 'принуждение', tuitutus 'раскачивание', tuuseldus 'проказа ведьмы', tänudus 'благодарность' и др. Большая часть этих слов обозначает отвлеченные понятия. При образовании слов с суффиксами -us и -dus писатель придерживался укоренившихся в народном языке норм словообразования, которые наблюдаются также в литературной и диалектной речи. С точки зрения современного литературного языка более оригинальным является присоединение суффикса -us к форме именительного падежа. Таковы, например, словообразования Крейцвальда jalgus 'изножье', piirus 'округ, участок'. Наблюдаются и иные случайные отклонения от принципов словообразования народного языка, на которые обращали внимание акад. Й.В.Вески в своей статье, опубликованной в журнале "Eesti Kirjandus" 1918/9, № I - 2, стр. 39-50, № 7, стр. 171-176, № 8-9, стр. 192-205, № 10, стр. 245-256 и Й.Аавик в специальном произведении 1933 г.

Количество имен существительных с суффиксом -ndus невелико, обозначают они действие или состояние. Большая их часть образована от глаголов на -nd(a), что является при именах существительных вполне нормальным для современного эстонского литературного языка. Вот некоторые примеры: hauendus 'высживание, прение', kiigendus 'качание', kumendus 'отблеск, зарево', puhendus 'похмелье', sõuendus 'гребля', tühendus 'пустота', vahendus 'инцидент, спор'.

-lane у Крейцвальда указывает на лицо. Новые слова он производит от основ, ранее имевшихся в литературном языке или диалектах: kollilane 'пугало, страшлище', koogalane 'лепетящий дитя', kurjalane 'злой дух, дьявол', õbigalane

'мальчик с пальчик', taaralaine 'член семьи Таара', tugilane 'помощник, пособник', tulilane 'житель огня', vikerlane 'герой'. Большая часть слов на -lane означает понятия, для которых Крейцвальд не находил подходящих слов ни в литературном, ни в народном языке. Однако у него имеются и такие словообразования, для которых этот суффикс не кажется необходимостью. Вот некоторые примеры: kollilane 'пугало' (в народном языке koll) и susilane 'волк' (в южно-эстонских наречиях - susi).

Существительные на -ja у Крейцвальда встречаются в большом количестве. Несмотря на то, что многие из них в древнем литературном языке не зарегистрированы, в нашей работе тщательному разбору они не подвергаются, потому что существительные на -ja могут производиться почти от любого эстонского глагола. Ближе рассматриваются только два существительные, обращающие на себя внимание странной основой и значением: (nbude)nikutaja 'советник' (в народном языке глагол nikutama означает 'кивать головой', имеется еще другое значение, связанное с определенным действием при ткацкой работе; значение, которое это слово имеет в Эпосе, народному языку не известно). tuuseldaja - tuuseltaja 'знахарь' (в народном языке tuuseldama - 'тормошить, теревить, колотить').

Существительные на -line весьма характерны для языка Эпоса: kujuline 'привидение', petaline 'обманщик, мошенник', surmaline 'смерть', в двух последних примерах суффикс добавлен исключительно из метрических требований.

-stik суффикс обращает на себя внимание в существительных kuivistik 'суша, материк', vastastik 'препятствие' и võbrastik 'чужой, посторонний'.

Отдельные существительные образованы с помощью суффиксов -ise, -tise, -stus, -ti, -ik, -nik: haletis 'жалоба, уныние', kandelnik 'гусли', raiaustus 'запруда', võudik 'гребец', urgasti 'пещера'.

Весьма своеобразную группу словообразований в словаре Эпоса образуют суффиксы -e, -i, -u. Многие, возможно, даже

большинство из них, не могут считаться словообразованиями Крейцвальда, если положиться на словарь Видемана. Однако на их уникальность указывают материалы родственных языков. В картотеках диалектизмов сведений о них не имеется, в результате чего невозможно определить их распространенность. К числу таких слов принадлежат: kerk 'подъем, повышение', kuts 'приглашение', pett 'обман', põlg 'презрение', gaug 'слабость, бессилие, усталость', suik 'дремота' и др.

Некоторые свойственные народному языку существительные использованы в Эпосе с фонетическими изменениями: pühtmed 'сор' (обычно: pühkmed), taltsataja 'укротитель' (= taltsutaja), uimustus 'усыпление, дурман' (= uimastus), vilak 'ломоть' (= viilak(ae)).

Довольно часто в Эпосе слова приобретают несколько иное значение: juht 'руководство' (вместо: 'вождь'), kena 'красота' (вместо: 'красивый'), sepiline 'кузнечная работа' (вместо: 'клиент кузнеца'), soovitus 'желание' (вместо: 'рекомендация, совет'), tung 'мука, страдание' (вместо: 'натиск'), tõsidus 'факт' (вместо: 'серьезность').

И м е н а п р и л а г а т е л ь н ы е

Для образования имен прилагательных Крейцвальдом часто используется суффикс -lik. Как и в народном языке за основу словообразования большей частью берется существительное, например: nastulik 'бляшками украшенный', varjulik 'тенистый', võllilik 'полновластный'. Имеются глагольные образования: kaitselik 'охраняющий, охранительный', närtsilik 'смертный'. По значению дериваты на -lik не отличаются от подобных в народном языке.

Продуктивен суффикс -line, посредством которого произведены новые слова от существительных: lumeline 'снежный' (вместо: lumine), suitsuline 'дымный' (= suitsune), sulgiline 'перистый, покрытый перьями' (= suleline, suline), vesiline 'водянистый' (= vesine). Имеются, однако, слова, образованные от прилагательных: siniline 'синий' (= sinine) и vagaline 'тихий, кроткий' (= vaga). В одном случае отме-

чен дериват от имени числительного kaaka 'два', а именно : kaheline 'двойкий'. Прилагательные на -line имеют значение "быть покрытым чем-либо", "налет", "наслоение" и т.п. Те же значения эти прилагательные имеют и в народной речи. Но в строгом смысле по значению с народной формой сходно только sulgiline, имеющее значение "быть покрытым" (как, например в народном языке okkalkine 'колкчий, покрытый иглами', parmaline 'волоконный', võrdiline 'полосатый' и т.п.). Дериваты Крейцвальда, однако, имеют значение единичности и как таковые должны иметь суффикс -ne. Производные от прилагательных siniline и vagaline явно созданы в связи с требованиями метрическими. По своему значению для народного языка неприемлемо также слово kaheline. Прочие прилагательные на -line существенно от традиционных народных слов не отличаются.

Из числа прилагательных на -v большую распространенность имеет võimas 'мощный', между тем как valvus 'бдительный' отличается от народной формы только вторым гласным (ср. valvas). Прилагательное voolas, бытующий кое-где в народных говорах в значении 'ловкий, усердный, прилежный', в Эпосе встречается в значении 'действенный, действительный'.

Среди прилагательных на -v слово sirev имеет двойное значение: 1) 'блестящий' (от глагола sirama 'блестеть') и 2) 'прямой' (от слова sirge~sire 'прямой'). Согласно некоторым источникам (напр. словарь Видемана) ägev в таком виде могло бытовать и в народном языке, параллельно с формой äge 'пылкий, резкий'.

Помимо того в Эпосе имеются еще и такие прилагательные, для образования которых никаких явных суффиксов не имеется или форма которых не позволяет установить способа их образования: hili 'поздний' (вместо hiline), kiür 'горбатый' (вместо kiürakas), lausam 'более очевидный, более явный', muistena 'древние, старинные' и т.п.

Г л а г о л ы

Одним из наиболее продуктивных глагольных суффиксов является каузативно-фактитивный суффикс -ta, функцию которого Крейцвальд последовательно не соблюдал. Правда, каузативное значение имеет oimutama 'приводить в сознание' и valgutama 'заставлять растекаться', но в эту группу нельзя отнести tõrjutama 'оттеснять' и valatama~valatelema 'лить' (в народной речи tõrjuma, valama). Фактитивы с суффиксом -ta означают снабжение чем-либо, добавление чего-либо (rajatama 'снабдить гранью, разграничить'), использование предмета как средства (lõngutama 'мерить шерстяной нитью'), расстановка чего-либо где-либо или в какое-то положение (kohatama 'размещать', suhutama 'класть или брать в рот') оказываются, таким образом, аналогичными с народными словами. При этом суффикс -ta присоединен к родительному ед.ч. или же к основе краткой формы мн.ч. на -i как в современном литературном языке. Исключением является только suhutama, основой которого взят иллатив ед.ч.

С помощью суффикса -ne глаголы образованы от прилагательных (vaikunema 'стихать'), существительных (osanema 'доставаться', paikanema 'быть обоснованным', raipenema 'стать падалью'), а в некоторых случаях и от других глаголов (roidunema 'уставать', suikenema 'задремать').

Из глаголов на -nda три слова произведены от глаголов с суффиксом -ne (kuivendama 'высыхать', raugendama 'ослабевать', tumendama 'затемнять'), что обычно при этом суффиксе. Однако при сравнении значений этих глаголов с народными созвучными оказываются только два последних глагола, так как kuivendama здесь не имеет каузативного значения. В основу глаголов ormandama 'загонять в петлю' и tõtendama 'удостоверять' легли существительные. В случаях kaevandama~kaevandelema 'копать', koormandama 'нагружать' и т.п. имеем дело с глагольными корнями, у которых суффикс -ne отсутствует. Нет противоречия с народным языком и в случае vallandama 'освобождать' (от наречия valla). Значение глагола laiendama~laiendelema 'разгонять' в Эпосе рас-

ходится с общенародным (в наречиях 'расширять, растрачивать').

Глаголы с суффиксом -s t a по способу производства не противоречат принципам общенародного языка. В этой группе встречаются дериваты от прилагательных (märjastama 'смочить', valjustama 'усилить, возвысить голос'), от существительных (võimustama 'сделать мощным'). В отношении значения этот суффикс использован по правилам общенародного языка.

Суффиксу -l d a Крейцвальд не придавал особого значения. Дериваты с этим суффиксом неудачны и их создание можно объяснить лишь метрическими требованиями: kõheldama 'медлить', rooskeldama 'бить, колотить', õilmeldama 'цвети'.

"Калевипоэг" содержит и глаголы без суффиксов, или способ образования которых непонятен. По значению эта группа разделяется на две подгруппы. Первая подгруппа образована глаголами, в основе которых существительное — предмет, служащее средством исполнения действия: aeruma 'грести' (aer 'весло') и др. Вторая подгруппа — это глагольные основы, указывающие на продукт или результат действия: küüruma 'горбиться' (küür 'горб'), rairema 'стать падалью', viiruma 'линевать'.

В "Калевипоэг" некоторые глаголы употребляются в необычном для них значении, например: kogunema 'собирать' (вместо 'собираться'), liimima 'утверждать' (вместо 'клеить'), rõtkama 'сдвигаться' (вместо 'сталкиваться'), sattuma 'заботиться' (вместо 'попадать') и т.д.

Н а р е ч и я

Для образования наречий в Эпосе довольно часто используется метод слияния двух суффиксов в один, например al-lana 'вниз' (вместо alla) — явное слияние, или суффиксов -li+ste: argeliste 'робко, пугливо', kiireliste 'быстро', kordaliste 'почередно', pilgeliste 'насмешливо, издевательски', viisiliste 'порядочно, аккуратно'.

В одном случае в качестве суффикса наречия употребляется окончание -t e l l a, т. е. примета -da инфинитива, а именно: asjatella 'напрасно'.

Вместо суффикса -ti Крейцвальд иногда дает форму -tie: kõrgetie 'по высоте', sõõritie 'кругом, вокруг'.

Дериваты на -t i l l e у Крейцвальда созданы под влиянием народных песен, а в сущности они, пожалуй, инструктивны инфинитивов -da в функции наречия: hüpatile 'прыгая', kargatile 'вскакивая', lõksatile 'звякнув'.

-n d e l a также результат влияния народных песен, где встречаются дериваты от числительных sadandela, tuhandela. В последнем элемент -nde является частью основы, перенесенной по аналогии и в слово sadandela. Крейцвальд, однако, трактует -ndela как самостоятельный суффикс, с помощью которого он образовывал новые наречия: kohundela 'растопырившись', koormandela 'возами', pilvendela 'в виде облаков', rahendela 'в виде града, градом', sõrmendela 'перстами, пальцами' и т.п.

В эстонском языке наречия с суффиксом -s t i k k u обычно имеют значение обобщенного, взаимного местонахождения. Крейцвальд отступил от этого правила, создав наречие kiirestikku 'скоро, быстро' (вместо kiiresti).

Суффикс -s t e послужил для дериватов kiusavaste 'досядая', natukeste 'немного', perekaste 'многочисленно', tulisaste 'стремительно'. (Ныне в лит. языке этот суффикс пишется в виде -sti).

Суффиксы -s, -(e)s, -(e)ssa образованы от окончания инессива склоняемых слов. Т. к. многие из этих слов стали употребляться в значении наречий, впоследствии падежное окончание инессива стало восприниматься как адвербиальный суффикс. С помощью этого суффикса Крейцвальд образовал слова kõhkessa 'испугавшись', mitmeessa 'различным образом', pilkes 'мгновенно, мигом' и др.

В народном языке, хотя и редко, бытует суффикс skille~-skülle : lennuskille~lennuskülle 'на лету, летая'.

Используя адвербиальный суффикс -lt (-lta), Крейцвальд получил целый ряд новых наречий, основой для которых послужили склоняемые части речи: существительные (ae-gult 'постепенно', õnnelt 'к счастью', hoogult 'стремительно', tuisalt 'наугад, без разбора'), прилагательные (julgelt 'смело', targalt 'умно, мудро', kiirelikult 'скоро, быстро'), в одном случае числительное (poolilt 'пополам'). Вторую группу наречий с этим суффиксом составляют те наречия, которые ранее целиком или частично совпадали по своему значению с общенародными формами без суффикса: lau-salt 'явно, очевидно'. В данном случае прибавление суффикса не дает никакого нового оттенка значения.

Так же часто используется и суффикс -le: avalale 'открыто', puhkedele 'попыхая', sõrvitile 'ребром, краем', teisi`ele 'иначе, по-иному' и многие другие. Суффикс -le - окончание аллатива, между тем как -l (и его вариант -la) - это окончание адессива, использованное Крейцвальдом как продуктивный суффикс наречий, предлогов и послелогов: järgil 'за', kaksikula 'попарно', kolmil 'втроем', laiskel 'лениво', naljusela 'шутливо', pikil 'вдоль, в длину', pilgel 'насмешливо', poolil 'наполовину', sirgul 'врастяжку', sõrvil 'ребром, краем' и т.п.

Некоторая часть наречий, известных в общенародном языке, в Эпосе употребляется в необычном значении: korral 'сразу' (вместо 'в случае, при случае'), pikaliste 'лежа' (вместо 'медленно'). Встречаются и наречия, в составе которых нет никакого суффикса: eesi 'прежде', lühil 'коротко', rakku 'битком', sarna 'подобно' (вместо sarnaselt).

+ +
+

Анализу встречаемости слов, рассмотренных в третьей главе настоящей работы, посвящена наша статья "Словарный состав "Калевипоэга" в словаре Видемана. Новообразования Крейцвальда." - "Кээль я кирвяндус", 1969, № 12, стр. 737 - 744.

РЕЗЮМЕ

Опираясь на имеющиеся исследования, в которых рассматривается преимущественно морфологическая сторона эпоса "Калевипоэг", отмечаем, что язык произведения невозможно охарактеризовать с точки зрения общепринятых норм. Причиной этого послужил тот факт, что Крейцвальд хотел написать эпос аллитерационным народным стихом, которого, однако, ни он сам, ни его современники основательно не изучали. Лексика Эпоса также не может называться ни литературной, ни диалектной, ни фольклорной — настолько произведение насыщено своеобразными, только ему свойственными словами.

Стремясь создать нечто подобное произведению народного творчества, Крейцвальд включил в свой текст целый ряд подлинных аллитерационных народных песен, отрывков, отдельных стихов и выражений. Характерные для языка народных песен слова — вот одна из главнейших особенностей лексики Эпоса.

Стремление к архаичности повлекло за собой и другую, гораздо более бросающуюся в глаза особенность лексики Эпоса: в тексте встречается огромное количество искаженных форм и чуждых общенародному языку слов. Крейцвальд и большинство его современников, анализируя язык народных песен, исходили из положения, что своеобразность этого языка, по сравнению с народной речью, — это результат поэтической вольности народного певца. Это привело к тому, что Крейцвальд при словообразовании исходил в основном из требований стихосложения, не учитывая при этом смысловых значений отдельных суффиксов, поэтому в тексте можно встретить произвольные сочетания звуков.

Характерным для Эпоса является также приписание известному слову совершенно нового значения, нового смыслового оттенка. Так что иногда просто невозможно дать бесспорное объяснение таким изменениям подлинных значений: влияние диалектов, недостаточное знание народного языка, сознательное стремление придать слову иное содержание и т.п., — все это остается неразрешенным вопросом.

Автор Эпоса добивался архаичности и путем употребления в тексте отдельных основ, неизвестных народному языку, а то и просто путем их искажения. Употребляя эти слова, он считал, что использует элементы народных песен, т.к. в народной творчестве он находил много непонятных ему слов, выражений, необычных для его времени комбинаций. Все это в ту пору считалось плодом поэтической вольности народного певца.

Третью группу слов, наряду с подлинно народными и крейцвальдовскими дериватами, заслуживающими внимания как особенность лексики Эпоса, образуют диалектизмы. Сейчас уже невозможно установить, какие из них использованы в стилистических целях, а какие следует отнести к индивидуальным особенностям речи автора. Диалектизмы мы можем выявить лишь по имеющимся сведениям об эстонской письменности того времени. Особую группу среди диалектизмов составляют слова т.н. крейцвальдовского наречия, бытовавшие в приходе Кадрина и его окрестностях, т.е. там, где поэт провел свои юные годы. Число таких слов невелико, но зато большая их часть настолько уникальна, что их употребление в Эпосе может считаться специфической особенностью произведения. В Эпосе мы встречаемся с оригинальными диалектизмами и прочих говоров. Некоторые из них таковы, что точное определение их распространения в народе в настоящее время уже невозможно.

Для истории литературного языка большой интерес представляет вопрос о том, какая часть лексики Эпоса находится в употреблении по сей день. К сожалению, материал, подвергшийся в настоящей работе анализу, не дает основания дать мотивированную оценку влияния Эпоса на литературный эстонский язык. Для этого следовало бы непременно учесть и позднейшие, исправленные издания Эпоса. Кроме того, мы еще не располагаем полным словарем современного эстонского языка, на основании которого можно было бы установить отношение каждого слова к литературному языку. Некоторое представление о значении и роли Эпоса в обогащении эстон-

ского литературного языка дает сравнение лексики "Калевипоэга" с появившимся в 1960 году орфографическим словарем эстонского языка.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. J. Peebo, Kreutzwaldi kodumurde sõnu "Kalevipojas" (О словах родного говора Крейцвальда в его эпосе "Калевипоэг"). - Ученые записки Тартуского государственного университета, выпуск 162. Труды по эстонской филологии. I. Тарту, 1964, стр. 21-31.
2. J. Peebo, Kreutzwaldi loodud verbid "Kalevipojas" (Глаголы, созданные Крейцвальдом в эпосе "Калевипоэг"). - Emakeele Seltsi Aastaraamat (Ежегодник Общества родного языка), № 12. Таллин, 1966, стр. 53-71.
3. J. Peebo, "Kalevipoja" sõnavara Wiedemanni sõnaraamatus. Murde- ja rahvalaulusõnad (Словарный фонд "Калевипоэга" в словаре Ф.И. Видемана. Слова из диалектов и народной поэзии). - Keel ja Kirjandus ("Кээль я кирьяндус"), 1969, № 5, стр. 268-278.
4. J. Peebo, "Kalevipoja" sõnavara Wiedemanni sõnaraamatus. Kreutzwaldi sõnad (Словарный состав "Калевипоэга" в словаре Видемана. Новообразования Крейцвальда). - Keel ja Kirjandus ("Кээль я кирьяндус"), 1969, № 12, стр. 737-744.
5. J. Peebo, Kreutzwaldi loodud noomenid "Kalevipojas" (Имена существительные и прилагательные, созданные Крейцвальдом в его эпосе "Калевипоэг"). - Emakeele Seltsi Aastaraamat (Ежегодник Общества родного языка), № 16. Таллин, 1970, стр. 69-104.
6. J. Peebo, Selgituseks selgituse peale (К разъяснению разъяснения). - Keel ja Kirjandus ("Кээль я кирьяндус"), 1971, № 2, стр. 103-104.

Песко Яак Эльмарович
СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ЭПОСА "КАЛЕВИПОЭГ"

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степе-
ни кандидата филологических наук
Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Кликсооли, 18

Сдано в печать 2/IV 1973 г. Бумага
офсетная, 30x45. 1/4. Печ. листов
1,75. Тираж 200 экз. Зак. № 367.
Ротапринт ТГУ. ЭССР, г. Тарту, ул.
Пяльсоли, 14

Бесплатно

Бесплатно

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00422724 7